

- ⁶⁰ Порох И.В. Полемика Герцена с Чичериным и отклик на нее «Современника». С. 55.
⁶¹ Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Путешествие за границу. С. 54.
⁶² Там же. С. 61.

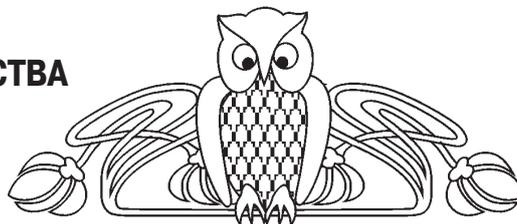
- ⁶³ Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина... С. 54.
⁶⁴ Там же. С. 65.
⁶⁵ Письма Б.Н. Чичерина // Письма Толстого и к Толстому: Юбил. сб. (Тр. публ. 6-ки им. В.И. Ленина). М.; Л., 1928. С. 277.

УДК [9:355.48](470-89)«1877/1878»

К ВОПРОСУ О ВЗГЛЯДАХ РУССКОГО ОБЩЕСТВА НА ВОЙНУ С ТУРЦИЕЙ 1877–1878 ГОДОВ

С.А. Кочуков

Саратовский государственный университет,
кафедра истории Российской цивилизации
E-mail: KochukovSA@mail.ru

В статье рассматривается, какое отражение в мемуарной литературе получило отношение русского общества к войне с Турцией 1877–1878 гг. Автор выявляет три точки зрения на определение задач Российской империи. Представлены взгляды В.П. Мещерского, Д.И. Иловайского, Г.К. Градовского и К.И. Воронича.

The Views of the Russian Society on the Russo-Turkish War of 1877–1878

S.A. Kochukov

The article focuses on the issue of the Russian society attitude to the Russo-Turkish War of 1877–1878, its reflection in the memoirs literature. The author brings to light three viewpoints on the tasks the Russian Empire has been facing then. The views of V.P. Mescherskii, D.I. Ilovayskii, G.K. Gradovskii and K.I. Voronich are represented in the article.

События на Балканах в 1877–1878 гг. оставили, безусловно, значительный след в русской мемуаристке, но большинство воспоминаний и дневников были написаны людьми военными, для которых боевые действия были напрямую связаны с их жизнью. Что же касается представленного в мемуарах отношения к войне русского общества, то этот аспект показан в исторической литературе фрагментарно¹. Круг лиц, попавших в поле зрения историков, был достаточно традиционным: Ф.М. Достоевский, В.М. Гаршин, Д.И. Менделеев, И.И. Сеченов, Н.В. Склифасовский, В.В. Верещагин, И.А. Щеглов, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой. В результате эти имена плавно переключаются из одного исследования в другое. Источники личного происхождения в работах ряда исследователей, которые занимались проблемой русско-турецкой войны на Балканах в 1877–1878 гг., так и остались не востребованы. По всей видимости, это объясняется тем, что так называемые «штатские авторы» были заслонены «профессионалами» – военными – П. Гейсманом, С.П. Зыковым, Е.И. Мартыновым, А.М. Зайончковским, А.Н. Куропаткиным². Два последних оставили первоклассные воспоминания о бал-

канском конфликте³. Тем не менее, несмотря на доминирование военных, существует целый ряд мемуарной литературы, созданной людьми сугубо штатскими.

С древнейших времен между русским и болгарским народами существовали глубокие и многообразные связи. В период всего многовекового пребывания под османским владычеством болгары не теряли надежды на помощь со стороны Российской империи, что особенно показательно в русско-турецких войнах 1806–1812 гг. и 1828–1829 гг. Однако военные действия против Османской империи так и не смогли разрешить балканский вопрос. Причины этого кроются, во-первых, в поражении России в период Крымской войны, а во-вторых, в недостаточно твердой и последовательной политике самой Российской империи по отношению к национально-освободительному движению на Балканском полуострове. Само известие о готовившихся боевых действиях и начало войны были восприняты в русском обществе в основном доброжелательно⁴. Споры возникли лишь в той части, где требовалось определить задачи Российской империи. По сути, здесь можно выделить три точки зрения.

Сторонники первой позиции были более идеологически сплоченными, а главное, те догмы, которые они отстаивали, были понятны буквально всем слоям русского общества. Определить эту точку зрения можно так: предстоящая русско-турецкая война – это «борьба за идею». У истоков этой позиции был своеобразный дуэт князя В.П. Мещерского и историка Д.И. Иловайского.

Князь Владимир Петрович Мещерский, публицист и издатель-редактор газеты «Гражданин», впервые обратился к балканской проблеме еще в 1876 г., после Апрельского восстания. Вообще это событие наделало много шума в русском обществе. В первую очередь откликнулась русская печать. И хотя практически все периодические издания выражали полное сочувствие восставшим, необходимо отметить разницу в оценке этого события. Такие петербургские газеты, как «Рус-

ский мир», «Голос», «Новое время» изображали восстание как результат заранее подготовленных действий, хотя и отмечали, что движение началось преждевременно и это послужило причиной его неудачи. Для корреспонденций «Русского мира» характерно некоторое преувеличение степени подготовленности восставших. Генерал М.Г. Черняев, редактор газеты «Русский мир» и «архистратиг славянской рати», как отозвался о нем Г.К. Градовский⁵, писал из Белграда: «Все, что было возможно, сделано народом для предстоящей борьбы. Оружие, какое только было в Румынии, закуплено... Они (болгары. – С.К.) действуют по определенной программе»⁶. Газета «Новое время» в статье «Народ-мученик» выражала надежду, что восстание будет удачным и для болгар «заблестит заря новой жизни, о которой он так бесплодно мечтал в течение последних веков и которую заслужил вековыми страданиями»⁷. В своих мемуарах, где описывалась поездка в Сербию, князь Мещерский был далек от эйфории близкой победы, хотя и слыл ярым сторонником борьбы с Турцией за свободу Балкан. Причина такой позиции – неприятие «шекспировской драмы», которую устроил генерал Черняев⁸. В результате Владимир Петрович Мещерский вернулся в Россию с Балканского полуострова с чувством «не то грусти, не то досады... Я (Мещерский. – С.К.) чувствовал и сознавал, что видел жалкую комедию, и возвращался, как из театра возвращается зритель, ожидавший наслаждений и ничего не испытывавший, кроме разочарований»⁹.

В своей работе «Правда о Сербии» Мещерский неоднократно утверждал, что война с Турцией: «...Божьей милостью война за идею»¹⁰. Диаметрально противоположные утверждения Мещерский категорически не воспринимал: «Людям, сомневающимся в том, что движение умов в пользу славян истинно народное, я бы посоветовал прочитать хотя бы частицу писем, получаемых И.С. Аксаковым как председателем Славянского комитета из разных концов и от разных лиц России. Именно в Москве, средоточии русской жизни, возможно это сочувствие в том виде, а каком оно проявляется»¹¹. В доказательство своему утверждению, что он не одинок, Владимир Петрович приводил значительное число высказываний представителей русского общества о предстоящей войне: «Купец пишет из своей лавочки на Нижегородской ярмарке: «Да когда же, Бога ради, мы вступимся за братьев посильнее да подействительнее». Там другой купец пишет из глуши Сибири: «Да нельзя ли всем верноподданым сказать царю, что мы готовы до последнего идти за веру, царя и отечество, куда и на кого царь велит». Тут священник дальнего прихода пишет: «Посылаю деньги и пожелания всех прихожан, чтобы Бог услышал наши молитвы – и повел нас в избавление братьев от гнета, скорби и печали». Здесь студент пишет: «Посылаю, что могу, пока сам не приеду в Сербию»¹². Отношение князя Мещерского к войне

с Турцией фактически не изменилось даже после ее объявления. Если ориентироваться на воспоминания Владимира Петровича, то возникает ощущение, что он был прекрасно осведомлен о планах России в предстоящей кампании¹³. Более того, князь Мещерский считал, что эти намерения России чрезвычайно скромны. Необходимо идти до конца в деле освобождения балканских народов, а не довольствоваться малым и заигрывать с Европой в виде передачи «под иго Австрии двух народов-героев, Боснии и Герцеговины»¹⁴. Однако война с Турцией развивалась несколько иначе, чем ее планировали в Генеральном штабе России. Неподготовленность русских войск к затяжной борьбе с противником наиболее ярко проявилась во время двух штурмов крепости Плевна. Всю вину за это Мещерский перекладывал на генерала М.Д. Скобелева, который якобы настаивал на третьем штурме. Позиция князя Владимира Петровича очевидна, она в полной мере являлась идентичной позиции официального Петербурга – вызвать из столицы гвардию, которая покончила бы с противником¹⁵.

Сходным с точкой зрения князя Мещерского являлось отношение к войне 1877–1878 гг. историка Д.И. Иловайского. Имя Иловайского было известно в дореволюционной России в первую очередь как автора многотиражных учебников по отечественной и зарубежной истории¹⁶. Что же касается научных трудов Дмитрия Ивановича¹⁷, то они были встречены специалистами, можно сказать, в штыки. Русское прогрессивное общество конца XIX – начала XX в. уже не воспринимало великодержавные идеи как во второй четверти XIX в., что же касается историков советского периода, то труды Иловайского были отнесены к категории яро монархических, к «исключительному русскому национализму»¹⁸.

Однако помимо фундаментальных исторических трудов по древней Руси Иловайского интересовали события, современником которых он являлся. В частности, он обращался к теме национально-освободительного движения в Польше и Белоруссии. К событиям на Балканах он, безусловно, не мог оказаться безучастным. Считается, что Иловайский впервые обратился к проблеме русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на страницах «Русской Старины», где были опубликованы его воспоминания с описанием поездки под Плевну¹⁹. Но впервые Дмитрий Иванович затронул южно-европейский кризис на страницах газеты «Русский мир»²⁰. По всей видимости, к решению Иловайского взяться за перо подтолкнули апрельские события 1876 г. в Болгарии и июльские в Сербии и Черногории. Рассматривая очередной балканский кризис, Дмитрий Иванович стоял на позиции усиления русского влияния в данном регионе и пытался обосновать мессианскую роль России по отношению к братьям по вере²¹.

Иловайский был сторонником войны до победного конца, так как боялся, что Россия может,

как это не раз было, пойти на какие-то закулисные переговоры не только с Турцией, но и с Англией, Пруссией или Австрией. В результате будет до-вольствоваться малым, и не о каком освобождении братских народов не может идти речь. Помимо упрямого утверждения о необходимости войны, Иловайский считал, что каждый должен заниматься своим делом, в частности, военные – стратегическими вопросами, Министерство иностранных дел – взаимоотношениями с соседями и т.д. Еще 1 октября 1876 г. историк отмечал в своем письме: «Войну угнетенных славян с турецкой ордой я понимаю только как войну в высшей степени энергичную, войну без колебаний и усталости. А иначе не следовало совсем и начинать ее. ... Система приостановок и толки о перемирии уже начали обнаруживать свои плоды. Вожди армии вместо того, чтобы всецело отдаться своим стратегическим боевым задачам, принуждены бороться с политикой колебаний и приостановок. Отсюда рождаются новые затруднения»²².

Неудачи под Плевной произвели на Иловайского удручающее впечатление, так же как и на князя Мещерского. В результате Дмитрий Иванович совершает поездку на театр боевых действий, под крепость Плевна. Причем это «путешествие» явилось лишь его личной инициативой, так как он не имел никакой протекции. Необходимо отметить, что в то время посещение мест боев было сопряжено с определенным риском и дело не только в чисто военной опасности. С началом боевых действий на Балканах русским Главным штабом, в частности, полковником М.А. Газенкампом, были разработаны специальные правила, где указывалось, кто имеет право присутствовать в местах проведения боевых действий. В сущности, Иловайского могли и арестовать, и объявить его иностранным шпионом. Однако, несмотря на все «драконовские правила», Дмитрию Ивановичу удалось осмотреть позиции русских войск, вооружение, госпитали, побеседовать с офицерским корпусом и даже с героем русско-турецкой войны – генералом М.Д. Скобелевым. Именно «Белому генералу» и посвятил в будущем свои воспоминания историк Иловайский. По всей видимости, Дмитрию Ивановичу был свойственен в определенной степени авантюризм. Иловайский не только беседовал с офицерами, но и старался проанализировать ситуацию с неудачами третьей попытки взятия Плевны. По словам самого историка, его интересовали два основных вопроса: «Я спрашивал, между прочим, зачем поспешили приступом 30-го августа, имея недостаточные для того силы? Зачем не подождали гвардии, которая была уже на пути в Болгарию?»²³. И как явствует из мемуаров, четкого ответа он нигде не получил. Значительная часть воспоминаний Иловайского относится к характеристике высших офицеров А.К. Имеретинского, Э.И. Тотлебена и М.Д. Скобелева. Но если Имеретинский производил лишь впечатление «симпатичного генерала»²⁴, герой

севастопольской обороны Тотлебена – «старого, честного служачки»²⁵, то Михаилу Дмитриевичу уделено в воспоминаниях значительное место. В частной беседе со Скобелевым Иловайский попытался вторично поднять вопрос о неудаче под Плевной: «Я спросил, между прочим, зачем 30-го августа, если у нас были недостаточные силы, мы серьезно атаковали неприятеля почти на всех пунктах, вместо того, чтобы всю силу удара сосредоточить на одном или двух, а на остальных ограничиться лишь демонстрациями. Он согласился, что так было бы лучше; но воздержался от дальнейших объяснений; так что я на этот счет не приобрел от него более подробных сведений»²⁶. Из разговора со Скобелевым Иловайский сделал вывод, что в деле с Плевной замешана большая политика. В определенной степени Дмитрий Иванович был прав, так как главной причиной неудач русских являлась несогласованность действий. Формальным главой отряда, блокировавшего турок, был румынский князь Карл, но реально руководство осуществлялось генералом П.Д. Зотовым, кроме того, в дело вмешивался командующий румынскими войсками генерал Чернат, также к этому необходимо добавить императора Александра II, военного министра Д.А. Милютину и главнокомандующего Дунайской армии великого князя Николая Николаевича. Весь этот набор высших лиц, безусловно, в большей степени мешал, чем помогал вести бои.

Вторая точка зрения в основном была распространена среди офицеров. С одной стороны, это может показаться странным, ведь военные всегда были сторонниками решения проблем радикальными способами. В частности, кн. Мещерский отмечал: «Здесь офицеры такого-то полка пишут совокупно: «Нас много, желающих сражаться за освобождение славян; авось будет война; а пока скажите, Бога ради, можем ли мы ехать в Сербию на средства Славянского комитета и что нужно предпринять? Не ехать как-то стыдно»²⁷. Однако не нужно забывать, с какой точки зрения рассматривал войну князь Владимир Петрович. В основной же своей массе российское офицерство стояло на несколько других позициях, нежели издатель-редактор «Гражданина» и внук Н.М. Карамзина. В многочисленных мемуарах, посвященных русско-турецкой войне 1877–1878 гг., авторами которых являлись офицеры-участники балканских событий, неоднократно отмечалось: война это не пикник²⁸. Кроме того, российским офицерством предстоящие бои воспринимались еще и как смена обстановки. В своих воспоминаниях А.А. Брусилов так описывал это время: «Трудно описать восторг, охвативший весь полк по получении этого известия (объявления войны. – С.К.). Родовались предстоящей новой и большинству незнакомой боевой деятельности (все почему-то уверовали, что без войны дело не обойдется); радовались неожиданному перерыву в однообразных ежедневных занятиях по распи-

санию; радовались, наконец, предстоящему, хотя бы и мирному, походу, который заменял особо скучную до приторности штаб-квартирную казарменную жизнь... Впрочем, нужно правду сказать, что едва ли кто-либо был особенно воодушевлен мыслью идти драться за освобождение славян или кого бы то ни было, так как целью большинства была именно сама война, во время которой жизнь течет беззаботно, широко и живо...»²⁹. Дело в том, что российский офицерский корпус переживал не лучшие времена, постоянно находясь в кризисном состоянии. Кризисное состояние ярко проявилось уже в ходе Крымской войны, а последующие затем реформы гр. Д.А. Милютина должны были реанимировать вооруженные силы и офицерство. Однако мероприятия главы военного ведомства не могли положительно себя проявить в кратчайшее время, что и обнаружилось в русско-турецкую войну 1877–1887 гг. С одной стороны, политическая подготовка боевых действий была неудовлетворительной, силы турецкой армии недостаточно известны, а с другой – некачественная подготовка и шапкозакидательские настроения среди основной массы офицеров и солдат.

Видимо, сторонники первой точки зрения, в частности, историк Иловайский, в определенной степени были знакомы с положением армейских дел, особенно после неудачной Крымской войны. Несмотря на глубокое убеждение о необходимости решения России своей исторической миссии, Дмитрий Иванович неоднократно заявлял: «Никогда мы не говорили о легкости предстоявшей нам борьбы... Напоминаем о том возможным еще в нашем обществе благодушным людям, которые на освобождение славян смотрят как на военную прогулку за Дунай. Нет, мы имеем дело с врагом многочисленным, а главное ловким и ехидным»³⁰.

Наконец третья точка зрения, сторонников которой было не особенно много. К таким можно причислить Г.К. Градовского и К.И. Воронича. Григорий Константинович Градовский был одним из популярнейших военных корреспондентов в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Начало русско-турецкой войны 1877–1878 гг. совпало с его личным несчастьем. Дело в том, что Градовский в 70-х гг. XIX в. издавал газету «Русское обозрение», но после трех официальных предупреждений цензоров выход данного периодического издания был приостановлен на шесть месяцев³¹. Позже Григорий Константинович вспоминал: «Обезоруженный, приговоренный к молчанию и бездействию в то горячее время, когда не только публицист, но всякий мыслящий человек жаждет печатного слова и обмена мыслей, я не в силах был сидеть, сложа руки. Я решился отправиться на театр войны и с этой целью предложил редакции «Голоса» быть ее военным корреспондентом»³².

Современники относили Градовского к среде либералов, но отмечали, что ему не свойственны высокомерие и презрительность

к военной среде – «военщине», а также то, что, будучи государственным, он никогда не смотрел на армию как на институт насилия. Именно с таких позиций Григорий Константинович собирался освещать события русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В отечественной историографии бытует мнение, что материалы, предложенные военными корреспондентами, были подготовлены лишь с «ура-патриотических» позиций и в них нет ни анализа боевых действий, ни сколько-нибудь примечательных наблюдений. Особенно данными утверждениями грешат исследования В.А. Золотарева³³. Безусловно, Градовский писал свои корреспонденции с позиций человека XIX столетия, в его материалах четко виден человек, любящий свою Родину и то, что современным исследователям кажется «бесполезным словоблудием», было для Григория Константиновича истиной. В своих корреспонденциях³⁴ Градовский отмечал: «В первый раз русская печать получила возможность иметь своих корреспондентов на театре войны. Это – глаза и уши общества, а отчасти и всего государства. Чем быстрее, вернее и подробнее освещаются события, тем живее и непосредственнее поддерживаются связи народа с армией, тем шире и глубже проявляются патриотические чувства, тем лучше уход за ранеными, тем обеспеченнее участь инвалидов, тем более растет число приверженцев хорошего мира и плодотворного внутреннего развития, для упрочения общего порядка и благоденствия»³⁵. Фактически Градовский был свободен в выборе приоритетов освещения боевых действий, хотя многие офицеры русской армии боялись со стороны печати неосторожных слов³⁶. Корреспондент расценивал свою миссию и с позиции разоблачения фальшивых сведений о «зверствах русской армии» на кавказском театре военных действий. Дело в том, что перед началом и в ходе самой войны турецкая пресса рисовала русских солдат «почти людоедами», в отличие от турок, которые несли просвещение и цивилизацию народам Кавказа. Преодолеть же такие убеждения было нелегко, но это была одна из задач военных корреспондентов. Градовский прекрасно осознавал, что военная корреспонденция как таковая явление для России фактически новое, но полагал, что «...военные корреспонденты имеют одинаково важное значение, как в интересах общества, так и в интересах армии, которая неразрывными узами связана с этим обществом». Вообще Г.К. Градовский был противником войны с Турцией. Боевые действия на Балканах рассматривались им не более как война колониальная, навязанная не только переделом сфер влияния в Европе, сколько быстрым экономическим развитием России. С одной стороны, Григорий Константинович считал, что начав кампанию с Турцией, «...мы рискуем втянуться в разорительную войну, без ясно осознанной цели и не-

обходимости. Дела славян можно и должно было устраивать международным путем, как это и следовало по условиям Парижского трактата»³⁷. С другой стороны, корреспондент полагал, что Балканские страны, в частности «Сербия вообще не бедствовала, а вздумала разыграть роль Пьемонта на Балканском полуострове, не имея для того ни малейшей подготовки»³⁸. Что же касается позиции Мещерского и Иловайского, которые настаивали на помощи «братьям по вере», то Градовский им в противовес заявлял, что подобные высказывания это «хвастовство и игра в патриотические порывы»³⁹.

Другой противник войны К.И. Воронич также пытался доказать, что война на Балканах идет не по идеологическим причинам. Он отметал призывы Иловайского, Мещерского и других к выполнению Россией на Балканах своей исторической миссии по спасению несчастных братьев славян. Рассматривая боевые действия через призму личности, мемуарист доказывал, что война ведется и будет вестись только из-за корыстных целей. Причем эти цели, по его мнению, одинаково подходили как для характеристики стран-участниц военной кампании, так и персоналий этой войны. Поражает описание самого состава добровольцев, желавших принять участие в боях: «...партия людей, набранных, где попало: здесь были отставные старые офицеры, бывшие мастера, разные старые нижние чины – герои пятидесятих годов, юнкера, тоже отставные, статские с длинными волосами, в очках, костюмах неопределенного цвета от старости и медико-хирургические студенты, наиболее выделяющиеся своим видом»⁴⁰. Именно такие фигуранты, по мнению Воронича, и чернили образ войны: «Нужно было задаваться одним из двух следующих вопросов: посылать ли на Балканы исключительно людей порядочных, способных к делу или каких попало? Если поддерживать первого правила, то следовало посылать только знающих службу, способных офицеров и людей трезвых... Если же задаться вторым вопросом, т.е. помочь просто количеством, то в таком случае посылать тысячами уже без разбора. Посылать же мало, да притом дурных, значит не достигать никакой цели, что в сущности и было»⁴¹.

Несмотря на разброс мнений о задачах России на Балканах и о самой войне, боевые действия развивались совсем не так, как планировалась в российском Главном штабе. Если русской армии и удалось сравнительно беспрепятственно переправиться через Дунай, то дальнейшее продвижение шло чрезвычайно медленно. Тем не менее весь набор предложенных мнений показывает, что в русском обществе не существовало единой позиции по Балканскому вопросу. Разброс мнений очевиден: от «ура-патриотических» Мещерского и Иловайского до подчеркнуто критических оценок Градовского.

Примечания

- ¹ В первую очередь это работы И. Козьменко (*Козьменко И.* Русское общество и Апрельское болгарское восстание 1876 года // *Вопросы истории.* 1947. №5); С.А. Никитина (*Никитин С.А.* Россия и освобождение Болгарии // *Вопросы истории.* 1978. №7); О.В. Орлик (*Орлик О.В.* Представители русской прогрессивной интеллигенции России – участники русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // *Вопросы истории.* 1978. №4); В.М. Хевролиной (*Хевролина В.М.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и общественное движение в России // *Вопросы истории.* 1978. №9) и наконец достаточно старое, но не потерявшее своей актуальности диссертационное исследование О.А. Яковлева – «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и русское общество». Л., 1980.
- ² См.: *Гейсман П.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в Европейской Турции. Вып. 1–2. СПб., 1906; *Зыков С.П.* Война 1877–1878 гг. Вып. 1–6. СПб., 1879–1880; *Мартынов Е.И.* Блокада Плевны (По архивным материалам). СПб., 1900; *Зайончковский А.М.* Наступательный бой по опыту действий генерала Скобелева в сражениях под Ловчей, Плевной и Шейново. СПб., 1893; *Куропаткин А.Н.* Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. СПб., 1885. Ч. 1–2.
- ³ См.: *Зайончковский А.М.* Сражение под Ловчей 22 августа 1877 года. СПб., 1895; *Куропаткин А.Н.* Записки о русско-турецкой войне. Берлин, 1909; *Он же.* Под Плевной (Практика траншейной войны) // *Сборник военных рассказов.* СПб., 1879. Т. 2; *Он же.* С полей сражений // *Военный сборник.* 1877. Т. 118, №12.
- ⁴ Исключение составляет, пожалуй, только Д.А. Милютин, который считал, что если война с Турцией и нужна, то необходимо ее отсрочить насколько можно. Причину военный министр видел в том, что в случае начала боевых действий Россия может остаться в международной изоляции: «Может выйти то же, что было в Крымскую войну, опять вся Европа опрокинется на нас» (*Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1877. М., 1949. Т. 2. С. 58).
- ⁵ *Градовский Г.К.* Архистратиг славянской рати // *Образование.* 1909. №1. С. 117.
- ⁶ Цит. по: *Козьменко И.* Русское общество и Апрельское болгарское восстание 1876 года. С. 100.
- ⁷ Там же.
- ⁸ «Вокруг Черняева были люди; но между этими людьми, во-первых, не было ни одной выдающейся личности, во-вторых, между этими людьми ничего не было связующего и животворящего. Заметил я здесь с глубокомысленною физиономиею – точно решающего какие-то головоломные задачи и напускавшего на себя много важности – Комарова, начальника Черняевского штаба, но, увы, ничего из этой важности, кроме вздохообразных звуков, не выходило; и один, всегда один, бедный Черняев должен был свою душу героя вложить в разыгрывание роковой комедии, быть архистратигом без воинства, быть героем эпоса без сподвижников...» (*Мещерский В.П.* Воспоминания. М., 2001. С. 364).
- ⁹ *Мещерский В.П.* Воспоминания. С. 365–366.

- ¹⁰ *Мецкерский В.П.* Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 3.
- ¹¹ Там же. С. 20.
- ¹² Там же. С. 20–21.
- ¹³ «В кабинете князя Горчакова рассуждали так: Россия войдет с своими несколькими корпусами в Болгарию, ей не нужно содействие ни сербских, ни румынских войск, ни болгарского народа; русские войска дойдут к концу лета до Балкан, и Турция предложит нам мир, который мы примем... Надо-де стараться не устроить Европу слишком большим количеством русских войск на Балканском полуострове и в то же время не привлекать к военным действиям славянских войск, во избежание славянского пожара, – вот что приблизительно повторяли наши дипломаты в ту минуту, когда тронулась наша армия к Дунаю» (*Мецкерский В.П.* Воспоминания. С. 384).
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 388.
- ¹⁶ *Иловайский Д.И.* Краткие очерки русской истории: Курс старшего возраста. М., 1860.
- ¹⁷ *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. М., 1884; *Он же.* Гродненский сейм 1793 г. Последний сейм Речи Посполитой. М., 1870; *Он же.* Разыскания о начале Руси. М., 1876; *Он же.* История России. М., 1876–1906. Т. 1–5.
- ¹⁸ *Рогожин Н.М.* Д.И. Иловайский // *Историография истории России до 1917 г.*: В 2 т. Т. 1. С. 105.
- ¹⁹ *Иловайский Д.И.* Поездка под Плевну // *Русская Старина.* 1883. № 2. С. 351–374.
- ²⁰ *Иловайский Д.И.* Письма о русско-турецкой войне // *Русский мир.* 1877. № 6.
- ²¹ «Если наша доблестная армия будет призвана к решению своей настоящей великой задачи, мы всегда останемся на стороне самого энергического образа действий. Заранее хорошо рассчитанные удары, конечно, будут исполнены быстро и решительно, не озираясь на каждый шаг по сторонам, как это было на Дунае в 1854 г. Враги пугали нас новым избиением славян при первом движении русской армии. На это можно отвечать только одно: новое избиение снимет с нас все бывшие дипломатические обязательства по данному вопросу. Чем более прольется крови беззащитных населений, тем радикальнее должно быть их освобождение и очищение их земли от мусульман. Впрочем, мы говорим все это только на случай; ибо возможно и то, что сегодня же или завтра телеграф принесет нам известия уже другого свойства. Могут завязаться переговоры; а между тем, пока черногорцы остаются в выжидательном положении, Орда успеет подавить миридитов и затем принудить Черную Гору к миру, на основаниях status quo. Англо-австрийские друзья Орды, конечно, не дремлют» (*Иловайский Д.И.* Письма о русско-турецкой войне. С. 84).
- ²² *Иловайский Д.И.* Письма о сербо-турецкой войне // *Мелкие сочинения, статьи и письма 1857–1887 гг.* М., 1888. С. 234.
- ²³ *Иловайский Д.И.* Поездка под Плевну. С. 365.
- ²⁴ Там же. С. 368.
- ²⁵ Там же. С. 367.
- ²⁶ Там же. С. 369.
- ²⁷ *Мецкерский В.П.* Правда о Сербии». С. 20.
- ²⁸ «...жилося плохо: обозы отставали, припаса не было, табак выкурили, хлеб поели, а достать ничего нельзя. ... Появились раненые, забегали санитары с носилками, слышались стоны умирающих и все обширное пространство обратилось в какой-то ад» (*Воспоминания стрелка.* СПб., 1886. С. 14, 19); «Двигались медленно, мы совершенно истощили наши запасы, а так как все окрестные деревни были разорены, то нельзя было достать ни хлеба, ни соли. Гвардия была в продолжение нескольких дней в таком же положении, ибо вследствие невылазной грязи, обозы и транспорты отстали» (*Гусман.* Описание действий летучих отрядов Общества Красного креста в отряде генерала Гурко. СПб., 1878. С. 4.); «Бессонные ночи с 18-го августа весьма утомительны. Наши траншеи не защищают от навесного огня, а для устройства блиндажей нет здесь материала. Большое количество убитых и раненых. Турецкие батареи действуют замечательно согласно, чего так не хватает нам...» (Пять месяцев на Шипке в 1877 году. (Из дневника офицера Подольского полка) // *Военный сборник.* 1883. №4. С. 150–151).
- ²⁹ *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 2004. С. 20–21.
- ³⁰ *Иловайский Д.И.* Письма о русско-турецкой войне. С. 248.
- ³¹ «Временные правила» о цензуре от 6 апреля 1865 г., которые несколько смягчали знаменитый николаевский «Чугунный устав», отменяли предварительную цензуру для изданий общим объемом в 10 печатных страниц и периодических изданий в Петербурге и Москве.
- ³² *Апушкин В.А.* Г.К. Градовский, гласность и война // *Публицист – гражданин: Лит. сб., посвящ. памяти Г. К. Градовского.* Пг., 1916. С. 97.
- ³³ *Золотарев В.А., Межевич М.И.* История нелегкой победы. М., 1979; *Золотарев В.А.* Россия и Турция: Война 1877–1878 гг. М., 1983; *Он же.* Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. апофеоз восточного кризиса. М., 2005.
- ³⁴ *Градовский Г.К.* Из воспоминаний военного корреспондента // *Киевлянин.* 1902. 12 апр.
- ³⁵ Цит. по: *Апушкин В.А.* Г.К. Градовский, гласность и война. С. 95–96.
- ³⁶ *Апушкин В.А.* Война 1877–1878 гг. в корреспонденции и романе // *Военный сборник.* 1902. № 7. С. 206–207.
- ³⁷ *Градовский Г.К.* Архистратиг славянской рати. С. 116.
- ³⁸ Там же. С. 116.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ *Воронич К.И.* Изнанка Сербской войны. СПб., 1877. С. 20–21.
- ⁴¹ Там же. С. 23.